

Гж. В. Колодко

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КРИЗИСА ИЛИ КРИЗИС ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ?

До настоящего времени не сложилось ни интеллектуального, ни тем более политического консенсуса относительно сущности кризиса, продолжают дискуссии как о его системных предпосылках и причинах технического характера, так и о механизмах, определяющих движение человеческих, материальных и финансовых ресурсов. Пока еще не завершены споры об экономических и социальных последствиях кризиса. Понятно, что до сих пор нет единства мнений о том, на основе какой экономической теории следует строить экономическую политику, чтобы не только справиться с последствиями кризиса, но и, прежде всего, эффективно противодействовать внезапным аналогичным нарушениям нормального хода развития в будущем.

Последствия Великой депрессии

Кто-то сказал: ведь сейчас только 2011 г., поэтому не следует так быстро ожидать слишком многого. Пусть сначала заживут раны, осядет пыль, успокоится почва, сдвинутая кризисным тектоническим сдвигом; кроме того, нам необходимо время для его более глубокого теоретического осмысления. Не удивительно, что нет единого мнения о сути экономического кризиса. Все это так, но приведенные соображения связаны не с трудностями объяснения смысла (бессмысленности?) современного кризиса, а с Великой депрессией 1929–1930 гг. 80 лет назад кризис встряхнул почти весь мир, особенно негативно отразившись на состоянии наиболее развитых экономик, начиная с Соединенных Штатов. Однако до настоящего време-

Гжегож В. Колодко – профессор, директор Центра трансформации, интеграции и глобализации экономических исследований (TIGER) при Университете Леона Козминьского, член Международного совета журнала «Мир перемен» (г. Варшава).

ни в экономическом сообществе нет единства при ответе на вопрос, что привело к этому кризису и что из этого следует...

Кризис стал не только большим шоком для широких масс населения и нанес ущерб многим потребителям и предприятиям, наемным работникам и капиталистам; он одновременно дал толчок кардинальным преобразованиям в экономике и политике, а также, глядя с несколько иной точки зрения, изменениям в теории и практике, в понимании развития экономических процессов¹. С этим кризисом закончилась целая эпоха, так как оказалось, что простое продолжение процессов воспроизводства на основе доминировавших ранее принципов и парадигм далее невозможно. Изменения уже назрели, а кризис подтолкнул их. Кризис называют великим не только из-за огромных потерь, которые он принес обществу и экономике, но и из-за масштабов перемен, вызванных им.

Они были неоднородными, что оказало воздействие на культурные, политические, социальные, экономические и технологические основы общества. Некоторые явления и процессы стали возможными хотя бы потому, что тогда расцветал колониализм, а в богатейшей части разделенного мира господствовали процессы индустриализации и свойственный ей способ организации производства. Иные способы не подходили по технологическим причинам, поскольку не было вычислительной техники и Интернета, и по политическим, из-за невозможности появления развивающихся рынков, так как угнетаемые империализмом страны выдавливались великими державами на последние места в мировой иерархии.

Мы помним, что 80 лет назад экономика функционировала иначе, ибо имела иную структуру и опиралась на другие институты не только организационно, но и экономически. Прежде всего, она не имела общемирового характера, отсутствовала типичная для современной эпохи глобализации система взаимосвязей регионов и взаимозависимостей явлений и процессов². В тот период не столько рождался внутренне взаимосвязанный мир, сколько ярко формировались его антагонистичные части, с по-разному функционировавшими политикой и экономикой. В результате судьбы отдельных стран и частей мира сложились неодинаково.

¹ *Kindleberger Ch. Manias, Panics and Crashes. A History of Financial Crises.* New York: Basic Books. 1978.

² *Giddens A. Global Capitalism / W. Huston (red.).* New York: The New Press. 2000; *Kołodko Grz. W. Globalizacja a perspektywy rozwoju krajów posocjalistycznych. Wędrujący świat. Prószyński i S-ka. Warszawa.* 2008; *Kołodko Grz. W. Globalizacja a perspektywy rozwoju krajów posocjalistycznych. Świat na wyciągnięcie myśli. Prószyński i S-ka. Warszawa.* 2010.

С одной стороны, на британско-американской почве возникла и развилась экономическая теория кейнсианства³. Быстро, уже спустя несколько лет, начиная с 1936 г., на этой теоретической основе сложился качественно новый подход к экономической политике. Благодаря тогдашнему президенту США Ф. Рузвельту возник так называемый «Новый порядок» (New deal) – идеологическая и политическая система правового регулирования и макроэкономических интервенций. Тогда государство получило возможность воздействовать фискальными и монетарными методами на агрегированный народнохозяйственный спрос в целях решительной корректировки последствий действия спонтанных рыночных механизмов.

С другой стороны, начали давать о себе знать отвратительные явления, которые на долгие годы отравили атмосферу мирового развития. В Европе зародился немецкий нацизм и итальянский фашизм, а в Азии разрастался японский милитаризм. В Советском Союзе набрал силу сталинизм. Ничто подобное не могло бы произойти, если бы не Великий кризис 1929–1933 гг., который способствовал быстрому нарастанию идеологического, политического и военного противостояния и в конечном счете привел ко Второй мировой войне со всеми ее губительными гуманитарными и экономическими последствиями. Со столь огромными потерями человеческих и материальных ресурсов человечество в своей истории не сталкивалось ни до, ни после. Пока не сталкивалось.

По пути постоянных изменений

Ныне все по-иному. На способе хозяйствования сказывается значительное воздействие современного этапа научно-технической революции со всеми его последствиями. За срок жизни менее чем одного поколения появилась сетевая экономика, позволяющая передавать практически неограниченное количество информации почти в режиме реального времени. Развивается, особенно в странах с высоким уровнем человеческого потенциала, экономика знаний. Расширяется глобализация, в результате чего возникла общемировая взаимоувязанная система хозяйства. И именно в этой культурно-технологической среде произошел современный кризис. Чаще всего его временные рамки определяют в промежутке 2008–2010 гг. (иногда начало датируют 2007 г.), хотя какие даты будут записаны в мировой экономической истории, пока неизвестно.

Лишь по прошествии нескольких лет, если не десятилетий, можно будет говорить о том, что означает современный кризис для бу-

³ *Keynes J. M. The General Theory of Employment, Interest and Money. Cambridge. 1936.*

дущего. Насколько глубокими будут цивилизационные изменения, многие признаки которых представил кризис? Как будут функционировать механизмы координации в глобальном масштабе, поскольку в профессиональных кругах сложилась единая точка зрения на то, что мы в настоящее время стоим перед необходимостью согласования решений и мероприятий в сфере экономической политики на международном уровне? Как должна выглядеть структура организации глобальной экономики после кризиса, поскольку дефекты этой структуры в последние годы стали одной из его причин? Как должна протекать реинституционализация мировой экономики перед лицом если не компрометации (как считают одни), то, по меньшей мере, недостаточности (как полагают другие) писанных и неписанных правил игры, до настоящего времени регулирующих экономические процессы?

Таковы лишь некоторые основные вопросы, на которые беспрестанно следует искать ответы. Мне не кажется, что современный этап хаоса приведет к какой-либо столь же глубокой научной революции, как во время кейнсианского перелома⁴. Нынешняя ситуация этого требует, но одновременно и делает такую революцию невозможной. Почему? Здесь мы сталкиваемся со своеобразным парадоксом. В период жизни последнего поколения на наших глазах (и с нашим участием) формировалась взаимозависимая общемировая система. Это могло бы свидетельствовать о том, что, превращаясь во все более тесно взаимозависимый конгломерат, данная система будет продолжать эволюционировать в том же направлении.

До кризиса казалось, что оснований, свидетельствующих в пользу именно такого сценария будущего развития, становится все больше. Однако даже поверхностный анализ показывает, что мировая экономика, этот огромный конгломерат, не может быть скроена по единому лекалу. Точно так же как не все страны мира шли до кризиса одним путем⁵, так и тем более они не будут ему следовать и после кризиса. В различных частях мира, помимо глобализации, останется место и для иных моделей экономической политики, опирающихся на различные системы ценностей и экономические теории⁶.

Мир обречен оставаться гетерогенным, но это ни в коем случае не означает, что он не будет вынужден продолжать глобализацию. Од-

⁴ *Skidelsky R.* Keynes: The Return of the Master. New York: Perseus Books. 2009.

⁵ *Landes D.* Bogactwo i nędza narodów. Dlaczego jedni są tak bogaci, a inni tak ubodzy. Warszawa: Wydawnictwo Literackie Muza. 2005; *Friedman B.* The Moral Consequences of Economic Growth. New York: Alfred A. Knopf. 2005.

⁶ *Kolodko Grz. W.* Truth, Errors and Lies. Politic and Economics in a Volatile World. New York: Columbia University Press. 2011.

нако последняя не должна происходить по единому образцу и уж совершенно точно не по неолиберальному образцу, который и привел к глобальному кризису. Глобализация может (и будет) продолжаться, однако станет протекать в разнородных подсистемах рыночной капиталистической экономики. Продолжение процессов либерализации и последующее формирование интегрированного общемирового рынка товаров, капитала, рабочей силы и информации не исключает множественности путей развития. Об этом свидетельствует и разнообразный опыт первого десятилетия XXI в., когда в результате последовательного открытия для участия в экономических отношениях – торговых, кооперационных, инвестиционных, финансовых – в мировой внутренне взаимоувязанный экономический уклад включают Китай и Бразилия, Россия и Нигерия, Польша и Египет, Мексика и Индонезия и даже Непал и Сенегал или Монголия и Гватемала.

И хотя эти страны идут разными путями, все они выходят на магистральное направление, определяемое современным этапом глобализации. Пути, по которым следуют страны и общественные системы, подвергаются постоянным изменениям, аналогичным замысловатому ходу эволюции видов, не имеющему линейного характера, что относится и к появлению из глубин истории *Homo Sapiens*⁷. Эволюция часто протекает в соответствии с принципом «прерывистого равновесия», когда новые виды возникают в результате быстрых изменений, а не в соответствии с концепцией градуализма, когда виды со временем постепенно преобразуются в новые.

Следовательно, будущее различных национальных экономик после кризиса будет неоднородным, так же как это произошло после Великой депрессии 80 лет назад. Речь здесь идет не только о нюансах, но и о существенных различиях. Одни страны пойдут по пути более либеральных институциональных преобразований, другие же выберут курс на относительное увеличение роли государства. В то время как одни экономики, или даже целые интеграционные группировки, стремятся обеспечить социально более сбалансированное развитие, другие будут продолжать реализовывать неолиберальную модель, в соответствии с которой большая социальная дифференциация выступает среди движущих сил экономического развития. В будущей картине мира есть место и для американского, и для японского капитализма; в ней найдут место каждая из стран БРИК (Бразилия, Россия, Индия и Китай). Свою нишу займут и многие другие государства со всех континентов, включая Мьянму (Бирму) и Зимбабве, Саудовскую Аравию и Кубу.

⁷ Tattersal I. Dzieje człowieka od jego początków do IV tysiąclecia p.n.e. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy. 2010.

Тем не менее не теряет актуальности вопрос о том, способна ли современная цивилизация преодолеть конфликтогенность функционирования такого глобального гетерогенного конгломерата. Удастся ли погасить очаги дремлющих экономических, культурных, социальных, этнических, политических конфликтов? 100 лет назад на этот вопрос многие отвечали утвердительно, однако уже несколько лет спустя мир был втянут в большую войну. А едва закончилась Первая мировая война, мир погрузился в Великую депрессию 1929–1933 гг.

Кризис и наука

Так что сегодня положение цивилизации и мировой экономики менее сложное, чем тогда? Обладает ли современное человечество, в том числе интеллектуальные и политические элиты, достаточными знаниями для того, чтобы вовремя предпринять необходимые меры? Смогут ли и захотят ли политические классы и лидеры бизнеса предпринять действия, которые не позволят конфликтогенной ситуации перерасти в конфликтную? Ведь на весь современный кризис – от его системных предпосылок и источников, механизмов его действия и хода развития, до его текущих и долгосрочных последствий – мы можем смотреть как на феномен, порожденный отсутствием способностей экономической системы и соответствующей ей политики к преодолению противоречий между экономическими интересами. Возрастут ли эти способности к преодолению противоречий после кризиса?

Уверенности в этом у нас пока нет, поскольку в настоящее время идет «четвертая мировая война». После первых двух войн, закончившихся примерно одно поколение тому назад (хотя, похоже, еще не в полной мере), началась «холодная война»⁸, а в настоящее время мы втянуты в очередную войну. История не только не закончилась, ее ход снова обострился⁹. Трудно отделаться от впечатления, что в пылу беспрестанных идеологических, политических и экономических споров на деле происходит большая мировая война идей, взглядов и, прежде всего, интересов. И неизвестно, каким будет окончательный результат этого столкновения. Однако сейчас не произойдет столь крайней политической и системной поляризации, как в результате предыдущего Великого кризиса, а современный кризис не принесет человечеству ни таких испытаний, как фашизм, ни таких благ, как

⁸ *Fukuyama F.* The End of History and the Last Man. New York: Free Press. 1992.

⁹ *King S.* Losing Control. The Emerging Threats to Western Prosperity. New Haven and London: Yale University Press. 2010; *Zakaria F.* The Post-American World. New York: W. W. Norton & Company. 2009.

кейнсианство, хотя, несомненно, появятся новая парадигма, новые теории и, кроме того, изменится преобладающая теория ценностей.

Что принесет нам современное противостояние, зависит, по крайней мере частично, от того, как экономическая наука сможет решить проблему современного кризиса и как она справится со своими внутренними проблемами. Необходимость решить собственные проблемы экономики как отрасли знания связана с тем, что эта дисциплина, подобно хозяйственным системам, которые она пытается объяснить и изменить, находится в состоянии коллапса¹⁰. Повсеместно используемые принципы коллективной ответственности приводят к тому, что общественное доверие к экономике (и к экономистам как к профессиональной группе) упало до рекордно низкого уровня.

Это интересный и одновременно грустный факт, тем более что среди множества высказываемых экономистами мнений, в том числе относительно разнообразных аспектов кризиса, можно найти и, несомненно, справедливые утверждения¹¹. И хотя из этих разработок пока не сложилось убедительной теории, в частности для нее нет недостатка. Проблема в том, что в отличие от других научных дисциплин экономика находится под воздействием идеологии и политики, и поэтому проверка правильности теоретических положений проходит здесь значительно труднее. Иногда для такой проверки требуется время, сопоставимое с продолжительностью жизни целого поколения. Не исключено, что так окажется и в данном случае.

Экономика – наука о способах преодоления противоречий между экономическими интересами, а экономическая политика – по крайней мере, эффективная с точки зрения общества – это способность *ex ante* разрешать конфликтные ситуации. На основе какой теории следует строить эту политику в будущем? Наверное, не на той, которая привела к современному кризису¹². Тем не менее многие экономисты и политики, лоббисты и комментаторы хотели бы вернуться к статус-кво. И именно это стало предметом споров о том, удастся ли вернуться на старый проторенный путь ведения бизнеса (для одних наилучший, для других – наоборот), который не предусматривал необходимого учета негативных внешних экономических, социальных и экологических последствий. То есть возможности возврата на старую, пагубную, кризисогенную, колею развития.

Приведем яркий пример. Относительно недавно один из наиболее влиятельных журналов мира – *The Economist* – с нескрываемой

¹⁰ Csaba L. Crisis in Economics? Budapest: Akadémiai Kiadó. 2009.

¹¹ Roubini N. Mihm S. Crisis Economics. A Crash Course in the Future of Finance. New York: The Penguin Press. 2010.

¹² Posner R. A Failure of Capitalism: The Crisis of '08 and the Descent into Depression // Harvard University Press. Cambridge. Massachusetts and London. 2009.

заботой о спасении сложившейся системы писал: «Настало время отложить в сторону догмы и политику и сосредоточиться на практических вопросах. Это означает необходимость более широкого государственного вмешательства, чем понравилось бы политикам или даже прессе свободно-рыночного толка»¹³. Но уже спустя чуть более десяти месяцев (и после того, как правительства ведущих стран привлекли огромные общественные средства для спасения от банкротства частных финансовых фирм) то же самое свободно-рыночное издание на своих обложках и в передовых статьях предостерегало от чрезмерного интервенционизма, пугая государством как левиафаном, этим всепожирающим чудовищем, которое будто бы наносит вред предпринимательству и процессу развития¹⁴.

Утверждается, что сначала для спасения частного сектора требовалось значительное вмешательство государства, в частности в виде максимального привлечения бюджетных средств. В настоящее же время якобы необходимо максимально возможное снижение уровня интервенционизма, с тем, чтобы рынок мог функционировать без ограничений, т.е. без перебоев. Как быстро мы забываем, что именно отсутствие ограничений стало одной из причин кризиса! Идет ли таким образом речь о предупреждениях или снова об обеспечении экономических интересов отдельных субъектов за счет интересов многочисленных субъектов? Действительно ли государство наносит ущерб здоровому предпринимательству и сбалансированному социально-экономическому развитию или, может быть, это происходит в результате недостатка здорового государственного регулирования и адекватного государственного вмешательства? Как должно выглядеть это регулирование и в чем состоять это вмешательство? Без ответа на эти вопросы не станет ясно, движемся ли мы вперед правильным курсом развития или снова начинаем блуждать по гибельной колее.

Данные вопросы ключевые для будущего. Точно так же я подходил к их рассмотрению много лет назад, равно и тогда, когда впервые предупреждал о рисках надвигающегося кризиса, а затем предсказывал его неизбежность. Кризис произошел, и сейчас на тему, что к нему привело, ведутся дебаты – как интеллектуальные и политические, так и научные – в средствах массовой информации. Задаются вопросы: можно ли было его избежать, виноваты ли в нем политики или экономисты, какие экономисты виноваты – признанные ли теоретики или банковские аналитики, позиции которых озвучивались сотрудничавшими с ними, зачастую коррумпированными, средствами массовой информации? Были ли в состоянии рационально дей-

¹³ Saving the system // The Economist. 2009. 11 Oct.

¹⁴ Stop! The backlash against the government // The Economist. 2010. 23 Jan.; Leviathan Inc. The state goes back into business // The Economist. 2010. 7 Aug.

ствовать академические ученые или практики? Если речь идет об этих признанных теоретиках и академических ученых, то именно они представляют в экономической науке широкий спектр различных взглядов, позиций и научных школ.

Поэтому нам не кажется, что академическая среда, независимо от того, как ее определять, была в состоянии предложить взаимоувязанную и убедительную интерпретацию современного кризиса. Тем не менее следует пытаться разрабатывать такую интерпретацию, но ожидать, что это будет сделано в политических кругах, не приходится. Таких интерпретаций уже предложено много, а будет – еще больше, поскольку существует много точек зрения, аксиологических теорий, теоретических трактовок. Однако время идет, а накопившиеся проблемы сами по себе не решаются. Более того, их появляется больше, чем разрешается. Вот почему с течением времени проблем, трудностей, конфликтов, препятствий к развитию экономики и общества может оказаться больше, а не меньше. И, следовательно, подходы к теоретическому осмыслению и к разработке практических шагов по преодолению кризиса имеют огромное значение и далеко идущие последствия.

Требуется качественная перестройка

Самая большая опасность состоит в излишне поверхностном подходе к пониманию проблемы. Так, нельзя объяснять современные изменения временными трудностями конъюнктурного характера, в основе которых лежат причины технического плана¹⁵. Настоящий кризис вызван не неправильным установлением уровня процентных ставок или несбалансированностью бюджетов. Он не был спровоцирован недобросовестностью какой-то группы спекулянтов или наивностью политиков, принимающих решения. Кризис не был следствием нечестности нескольких учреждений или дефектности той или иной организации. Поэтому недостаточно лишь банкротства нескольких крупных банков, заключения под стражу нескольких обманщиков или изменения каких-то регулирующих норм. Нельзя также ограничиваться только смягчением проявлений кризиса и ликвидацией его последствий. Настал момент, который требует масштабных системных действий.

Все что делается, все к лучшему. Однако это справедливо только тогда, когда мы делаем надлежащие выводы из происходящих событий. Серьезным недостатком экономики, политики и управления (при всех изъянах их функционирования) является то, что они допу-

¹⁵ *Orlowski W. Świat, który oszalał, czyli poradnik na ciekawe czasy. Warszawa: Agora. 2008.*

стили кризис; я, однако, не знаю, не будет ли еще большим провалом не использовать возможности для осуществления тех фундаментальных изменений, которые без кризисных потрясений нельзя было бы реализовать.

Для того чтобы использовать шансы на осуществление изменений, предоставляемых нам кризисом, необходимо воздействовать на его исходные механизмы с тем, чтобы они не начали действовать снова. Настоящий кризис системный¹⁶. Это структурный и институциональный кризис современного капитализма, который на протяжении жизни последнего поколения оказался подверженным заблуждениям неолиберализма¹⁷. Последний же, очевидно, стимулирует малопродуктивный в долгосрочном плане капитализм спекулянтов в ущерб капитализму предпринимателей. В то же время лишь второй – хотя и необязательно – может иметь хорошее будущее.

Но для этого нужна огромная интеллектуальная и политическая, исследовательская и организационная, популяризаторская и образовательная работа. А именно: перестройка системы ценностей, воздействующая на общественные процессы хозяйствования; изменение многих институтов, от которых зависит функционирование экономики; переориентация способов проведения экономической политики. И все это теперь должно произойти в планетарном масштабе, поскольку подход с позиций национальной экономики недостаточен¹⁸. Если этого сделать не удастся, если не произойдет качественная перестройка тройственной зависимости «ценности – институты – политика», вопрос о том, когда случится следующая Великая депрессия, станет лишь вопросом времени.

¹⁶ *Szymański W.* Kryzys globalny. Pierwsze przybliżenie. Warszawa: Difin. 2009; *Roubini N., Mihm S.* Op. cit. 2010; *Stiglitz J.* Freefall: America, Free Markets, and the Sinking of the World Economy. New York: W. W. Norton & Company. 2010; *Kolodko Grz. W.* Truth, Errors, and Lies. Politic and Economics in a Volatile World.

¹⁷ *Cassidy J.* After the Blowup. Laissez-faire economists do some soul-searching – and finger pointing // *The New Yorker*. 2010. 11 Jan.

¹⁸ *Kolodko Grz. W.* Globalizacja a perspektywy rozwoju krajów posocjalistycznych. Świat na wyciągnięcie myśli.